

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.161.1И. И. Степанченко

О ЛЕКСИКОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

I. I. СТЕПАНЧЕНКО. ПРО ЛЕКСИКОЛОГІЮ ЯК НАВЧАЛЬНУ ДИСЦИПЛІНУ.

У статті аналізуються проблеми, що стоять перед традиційною лексикологією як навчальною та науковою дисципліною. Нечіткість методологічних засад призводить, крім нечіткості дефініцій, до спирання при аналізові одиниць лексики на інтуїцію, до розмитості меж між окремими розрядами лексики та дефіциту власно мовних методик кваліфікації лексикологічних явищ. До недоліків, що притаманні сучасній лексикології, можна віднести також відсутність методик, що дозволяють врахувати при лексичному аналізові протиріччя синхронії та діакронії, протиріччя між статикою та динамікою в мові, перехідний характер багатьох явищ лексики.

Ключові слова: лексикологія, методологія, лінгвистичні дефініції, синхронія та діакронія, перехідні явища.

И. И. СТЕПАНЧЕНКО. О ЛЕКСИКОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ.

В статье анализируются проблемы, стоящие перед традиционной лексикологией как учебной и научной дисциплиной. Нечеткость методологических посылок приводит, кроме нечеткости дефиниций, к опоре при анализе единиц лексики на интуицию, к размытости границ между отдельными разрядами лексики и дефициту собственно языковых методик квалификации лексикологических явлений. К недостаткам, характерным для сегодняшней лексикологии, можно отнести также отсутствие методик, позволяющих учесть в лексическом анализе противоречие синхронии и диахронии, противоречие между статикой и динамикой в языке, переходный характер многих явлений лексики.

Ключевые слова: лексикология, методология, лингвистические дефиниции, синхрония и диахрония, переходные явления.

I. I. STEPANCHENKO. ABOUT LEXICOLOGY AS AN ACADEMIC DISCIPLINE.

The article analyzes the problems facing traditional lexicology as an academic and scientific discipline. Semiotic principles of methodology are considered as one of the reasons that generate vague definitions of linguistic categories (in particular, the category of lexical meaning which is the basic category of lexicology) that do not allow to distinguish between the spheres of mind and language and leading to identification of relations between lexical units in language and phenomena of non-linguistic "objective" world or logical relationships. The vagueness of methodological premises leads, in addition to the vagueness in definitions, to that fact that the analysis of the lexical units is based on intuition, also leads to the blurring of the boundaries between definite lexical categories and the deficit of the proper linguistic methods of qualifying lexicological phenomena. As the deficiency in lexicology the lack of techniques that allow to take into account in the lexical analysis the contradiction of synchrony and diachrony, the contradiction between statics and dynamics in language, the transitional nature of many lexical phenomena can also be added. A new impulse to the development of educational lexicology can be thanks to the anthropocentric approach to language, which allows, thanks to the integration of human sciences, to reconsider the methodological foundations of modern language science and to develop more clear bases of lexical analysis.

Key words: lexicology, methodology, linguistic definitions, synchrony and diachrony, transitional phenomena.

Бодуэну де Куртене принадлежит известное высказывание о том, что XX век будет веком развития лексикологии, относительно недавно выделившейся из грамматики и получившей

©И. И. Степанченко, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1044320>

статус самостоятельного раздела науки о языке: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.» [2, с. 17]. Однако XX век прошел, а признать, что судьба лексикологии сложилась в полном соответствии с предсказаниями ученого, трудно. Если в научной лексикологии был достигнут известный прогресс, то состояние лексикологии как учебной дисциплины, изучаемой на филологических факультетах классических и педагогических университетов, вряд ли можно считать удовлетворительным. Цель данной статьи заключается в анализе отдельных проблем, стоящих перед учебной лексикологией. Правда, противопоставление научной лексикологии учебной относительно: их методологическая база едина, что в конечном счете обуславливает их достоинства и недостатки.

Методологическая база лексикологии основана на учении о языке как о семиотической системе. В рамках этого учения лексическая семантика рассматривается, например, в концепции Д. Н. Шмелева и др. ведущих лексикологов, как знак мыслительных категорий, последние же в свою очередь предстают как знаки явлений действительности. Мир действительности, мир мышления и мир языка связываются отношениями знаковой репрезентации, основанной на отражении одного мира в другом.

Об уязвимости такого подхода с философской точки зрения неоднократно писали ученые (см., напр., [7]). Определение лексической семантики слова как понятия – отражения в сознании человека существенных признаков определенного класса явлений действительности, по существу, «уравнивает в правах» миры языка, мышления и действительности и выводит лексическую семантику за пределы объектов лингвистики.

Традиционно логическое понятие рассматривается как основа лексического значения. Отличие значения – лингвистической категории, от понятия – категории мыслительной, обычно усматривается в следующем: значение, с одной стороны, шире понятия, поскольку может включать коннотативные семы; с другой – значение уже понятия, поскольку соответствует не научным, а наивным представлениям о мире.

Первое отличие вряд ли можно считать принципиальным, поскольку коннотативные признаки входят в состав далеко не любого лексического значения, кроме того, наличие коннотаций никак не свидетельствует о различной природе лексического значения и понятия (в основе и мыслительной, и лингвистической единиц лежат существенные признаки явлений действительности, отраженные в сознании человека). Само понятие существенного признака является относительным и зависит от видов деятельности (типичных и нетипичных), в которые включен предмет (см. об этом подробнее в [8]).

Второе отличие связано с разграничением научных и наивных понятий (Л. В. Щерба, Ю. Д. Апресян, С. Д. Кацнельсон и др.). Это разграничение основано на признании понятия и значения статическими явлениями, что противоречит данным смежных наук. Более четверти века назад А. А. Леонтьев утверждал: «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс» [4, с. 8]. С психологической точки зрения, и значение, и понятие представляют собой процессы, переходы. Объяснительные возможности принимаемой в лексикологии статичной модели динамичного по своей природе процесса мышления, в основе своей далекой от моделируемого объекта, вызывают сомнение.

Противопоставление статике динамике в языковой модели относится к числу сложных и решаемых неоднозначно проблем. Одновременное рассмотрение языка как статического явления и динамического процесса чаще всего является отражением не внутренней противоречивости объекта, а отражением противоречий создаваемой модели. В классической лексикологии (по крайней мере в учебной) и значение, и понятие рассматриваются, как правило, в статике.

Во-вторых, как утверждают философы и логики (К. Попа, Д. П. Горский, М. Н. Правдин и др.), понятие дано нам не непосредственно, а в виде системы его взаимосвязанных определений. В классическом примере Л. В. Щербы научное понятие «прямая» (кратчайшее расстояние между точками на плоскости) и наивное понятие (линия, которая не отклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз) предстают, с этой точки зрения, не как разные понятия, а как научное и наивное определения одного и того же понятия. Определение же понятия не может рассматриваться как лексическое значение в анализируемой языковой модели.

Нечеткость исходных методологических посылок, несогласованность в них данных разных наук приводит к отождествлению отношений между вербальными единицами в языке и отношений между явлениями в предметном мире. Так, проявление парадигматических системных отношений в лексике усматривается в том, что значение одного слова в составе лексической парадигмы обуславливает значение другого слова. Влияние на слово лексической системы языка проявляется, в частности, в возможности истолковать лексическое значение слова с опорой на значения других членов парадигмы. Например, в парадигме ГОРА, ПРИГОРОК, ХОЛМ, СОПКА значение слова ПРИГОРОК приобретает признаки, вытекающие из оппозиций ПРИГОРОК – ХОЛМ («с любой форма склонов», поскольку холм имеет пологую форму склона), ПРИГОРОК – ГОРА («небольших размеров»), ПРИГОРОК – СОПКА («не имеющий территориальных ограничений») и т.д. Отношения между значениями слов приравниваются к отношениям между предметами, т.е. отношения между словами языка рассматриваются как дублирующие отношения между явлениями предметного мира. При этом лексическая семантика лишается своей собственно языковой специфики и по существу, как уже отмечалось ранее, приобретает экстралингвистический характер.

Поскольку категория лексического значения является центральной категорией лексикологии, нечеткость ее определения приводит к нечеткости определений других лексикологических категорий, опоре на интуицию при их разграничении и соответственно «размытости» границ между категориями.

Так, одной из спорных проблем лексической парадигматики является проблема определения синонимов. Очевидны уязвимые места определений синонимов как слов близких по значению или обозначающих сходные (близкие) понятия, поскольку синонимичность лексических единиц в этом случае устанавливается интуитивно на основании представлений о степени близости соответствующих явлений действительности. Многочисленные попытки выйти за рамки интуитивного определения близости значения, как правило, завершались безуспешно. К числу исключений относится формальная процедура определения синонимов на основании данных дистрибутивно-трансформационного анализа, предложенная Ю. Д. Апресяном. В учебной лексикологии эта концепция не получила распространения. Из числа традиционных определений синонимов чаще всего в вузовских пособиях приводится определение синонимов Д. Н. Шмелева. В концепции Д. Н. Шмелева, развивающей традиции Л. А. Булаховского и С. Ульмана, синонимические ряды различаются по степени синонимичности. Последняя определяется, по Д. Н. Шмелеву, соотношением позиций нейтрализации (контекстов, где замена синонимами друг друга возможна без смысловых потерь) и позиций смыслового противопоставления (контекстов, где замена невозможна). Концепция Д. Н. Шмелева интересна тем, что синонимия предстает не только как категория, четко противопоставленная антонимии, паронимии и другим смежным явлениям, но и как категория внутренне неоднородная, по существу – как полевая структура с ядром, центром и периферией. Однако в то же время возможность синонимической замены в позиции нейтрализации в конечном счете определяется нашими представлениями об идентичности реалий и ситуаций неязыковой действительности. Кроме того, казалось бы, очень интересная в теоретическом отношении концепция синонимов Д. Н. Шмелева вряд ли может быть успешно применена при практическом анализе синонимических рядов, поскольку произвести соответствующие подсчеты затруднительно или вообще невозможно. Закономерно предположить, что количество позиций нейтрализации синонимов *языкознание – лингвистика* или *орфография – правописание* значительно больше, чем число позиций нейтрализации таких синонимов, как, например, *актер – артист* или *жить – существовать*, что, естественно, обусловит большую степень синонимичности в первой группе примеров. Однако соотношение позиций нейтрализации и смыслового противопоставления, а следовательно, и степень синонимичности устанавливается в этом случае на основании интуитивной оценки степени близости значений. Здесь имеет место скорее обратный процесс: вывод о возможном соотношении позиций разного типа можно сделать на основании интуитивных представлений о степени близости значений. Из этого следует, что, несмотря на убедительность и логичность теоретических построений, подход к синонимии, предложенный Д. Н. Шмелевым, по существу мало чем отличается от школьного подхода к синонимам как «близким по значению словам».

Не меньше трудностей связано и с выделением категории антонимов. Понятие противоположности, лежащее в основе определения антонимов, носит логический характер. Лингвистическое понятие антонимии, по мнению Л. А. Новикова, непосредственно связано с «логическим членением явлений действительности на видовые и родовые понятия» [2, с. 29]. По определению Л. А. Новикова, в антонимии реализуются противоречия внутри одной сущности, т.е. противоположными являются два видовых понятия, максимально отличающиеся друг от друга в рамках общего для них родового понятия. При таком подходе категория антонимии предстает как явления не столько собственно языкового, сколько логического характера. При этом отношения в логике автоматически переносятся в языковую сферу, что вполне оправдано представлениями об отношениях языка и логики как отношениях знаковой репрезентации в рамках семиотического подхода к языку. Классификация антонимов, разработанная Л. А. Новиковым, по существу дублирует классификацию логических противоположностей. В рамках этой классификации контрарные антонимы противопоставляются контрадикторным на основании наличия/отсутствия промежуточного звена между крайними точками на оси противоположностей. Наличие логического промежуточного звена выявляется интуитивно, часто неоднозначно, на основании анализа отношений между явлениями окружающего мира.

Выделение в рассматриваемой классификации третьей группы – векторных антонимов, обозначающих противоположные действия или признаки, нарушает единство классификационных оснований и во многих случаях так же неоднозначно. В целом антонимия предстает как категория, в которой логические отношения механически перенесены в сферу лингвистики.

В ряде случаев опора на интуицию при определении лексических характеристик слов связана с невозможностью четко разграничить синхронию и диахронию. Попытка определить сущность и разработать классификацию развивающегося, изменяющегося явления приводит к размытости границ между отдельными разрядами и нечеткости их выделения. Это, в частности, касается разграничения омонимии и полисемии.

Основным признаком, лежащим в основе разграничения омонимии и полисемии, является степень близости значений, которая, как и в случае с синонимией, устанавливается интуитивно. Как известно, с точки зрения происхождения, выделяется несколько типов лексических омонимов. Так, в «Словаре омонимов» О. С. Ахмановой [1] выделяются омонимы, возникшие вследствие словообразовательных процессов (подразделяющиеся на 5 подтипов), вследствие случайного совпадения и вследствие распада полисемии. Классическое определение лексических омонимов как слов одной части речи, совпадающих в буквенном и звуковом составе, а также в грамматической форме при отсутствии общих сем в лексическом значении не позволяет четко разграничить омонимию и полисемию, поскольку у т.н. гомогенных омонимов (т.е. имеющих одинаковое происхождение, например, возникших вследствие распада полисемии или образованных от одной основы при помощи омонимичных аффиксов и т.п.) в отличие от гетерогенных имеются общие семы. С этим связан разноречивый в разграничении омонимии и полисемии. Единственным критерием разграничения, как уже отмечалось, становится интуитивно устанавливаемая степень близости значений. В связи с этим считаем абсолютно справедливым мнение М. П. Кочергана [3], отказавшегося от разграничения гомогенной омонимии и полисемии, поскольку граница между значениями многозначного слова и возникшими вследствие распада полисемии омонимами крайне расплывчата и прослеживается лишь в диахронии.

Аналогичное явление встречаем в области разграничения типов не прямых значений слова – переносных и производно-номинативных. Классификация не прямых значений основана на типе внутренней формы. Поскольку переход живой внутренней формы в стершуюся – один из типичных диахронических процессов в лексике, свидетельствующих о степени прочности «вхождения» переносного значения в систему языка, ни интуитивные представления носителей языка, ни словари не могут помочь провести четкую границу между переносными и производно-номинативными типами значений. Четкие языковые критерии разграничения живой и «стершейся» внутренней формы отсутствуют.

В традиционной лексикологии каждое явление приходится рассматривать как микрополе с ядром и периферией. Причем ослабление категориальных признаков в

периферийной области может оказаться более релевантным, чем их «строгое присутствие» в ядерной части. Поскольку данное явление типично для лексикологии, размытость границ признается специфической особенностью единиц лексического уровня языка. Возникает вопрос: что перед нами – размытость границ классов языковых единиц или размытость критериев разграничения этих классов?

Сетка научных категорий, «набрасываемая» на живой организм языка, оказывается беднее языковых фактов, которые «выпирают» из-под нее.

Таким образом, недочеты и противоречия современной лексикологии обусловлены несколькими факторами. Основным является недостаточная разработанность методологических основ лексикологического анализа, в частности отождествление отношений между лексическими единицами в языке и явлениями неязыкового «предметного» мира или логическими отношениями.

Вторым фактором, во многом определяющимся первым, является опора при анализе единиц лексики на интуицию, отсутствие четких дефиниций и собственно языковых методик квалификации лексикологических явлений.

Третьим фактором является отсутствие методик, позволяющих учесть в лексическом анализе противоречие синхронии и диахронии, противоречие между статикой и динамикой в языке, отсутствие методик анализа переходных явлений в лексикологии¹. Все это приводит к зыбкости определений лексикологических категорий, размытости границ между отдельными рядами лексики, решению научных проблем на интуитивном уровне.

Очевидно, новый импульс к развитию учебной лексикологии может и должен дать антропоцентрический подход к языку, позволяющий, благодаря интеграции наук о человеке, пересмотреть методологические основы современной науки о языке и разработать более четкие методики, в частности, в области лексического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь омонимов. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. 451 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века / перевод с польск. (1901) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. I. С. 3–18.
3. Кочерган М. П. Лексическая сочетаемость омонимов и лингвистический статус омонимии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1981. № 5. С. 47–55.
4. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 7–19.
5. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. М.: Изд-во МГУ, 1973. 289 с.
6. Пелепейченко Л. Н. Переходные типы значений слов (на материале русского языка). Харьков: ХГПУ, 1994. 138 с.
7. Правдин М. Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. М.: Вдохновение, 1991. 231 с.
8. Степанченко И. И. Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма. К.: Українське видавництво, 2014. 200 с.

(Статья поступила в редакцию 20 июля 2017 г.)

¹ О переходных типах значений слов см [6].